

причинами как объективными, так и субъективными. Во-первых, в наших подсчетах не использовались сведения за 1942–1944 гг. ввиду их отсутствия, а смертность пленных в этот период была, безусловно, выше, чем в последующие годы. Во-вторых, логично предположить, что главный показатель смертности давали не тыловые лагеря, а лагеря прифронтовой (приграничной) полосы и транспортировка военнопленных вглубь страны. До Среднего Урала, очевидно, добирались наиболее стойкие в смысле выносливости и выживания военнопленные. В-третьих, вполне вероятно, что приводимые в официальных документах данные, являются далеко не полными. Администрация лагерей могла манипулировать цифрами в целях занижения показателей смертности военнопленных и создания видимости благополучия.

Среди причин заболеваемости и смертности военнопленных в лагерях Свердловской области к 1949 г. явно сокращается удельный вес «социальных» болезней: дистрофии, инфекционных и острых желудочно-кишечных заболеваний, воспаления и туберкулеза легких, — развитию которых, как правило, способствуют неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, недостаточное питание, плохое медицинское обслуживание и т.д. А это косвенно подтверждает, что материально-бытовое положение военнопленных постепенно улучшалось. Следует, правда, отметить, что задачу создания нормальных условий жизни в лагерях областного ОПВИ во многом облегчило заметное сокращение численности его подопечных к 1949 г. Тем не менее, администрация лагерей действительно стремилась удовлетворить минимальные физиологические потребности военнопленных, — это заставляла делать установка режима на сохранение военнопленных, их жизни и здоровья, а не на их истребление. В этом — главное отличие в положении иностранных военнопленных Второй мировой войны в СССР от участи советских военнопленных в Германии.

Примечания

¹ «Военнопленные ознакомились с методами социалистического строительства». Докладная записка МВД СССР / Публикации Н. Сидорова // Источники. 1999. № 1. С. 84.

² Архив УФСБ РФ по СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 57.

³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 3з. Д. 4. Л. 1–4; Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 351. Л. 19–23.

⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 56.

⁵ Там же. Л. 54.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 57.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 19.

¹⁰ Там же. Л. 54, 59.

¹¹ Там же. Л. 57, 84.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 62.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 57.

¹⁶ Горбунов И. В. Пребывание немецких военнопленных в СССР: условия содержания, медицинского обеспечения (по док. ГАРФ) // Проблемы военного плена: история и современность. Мат-лы Междунар. научно-практ. конф. Вологда, 1996. Ч. 2. С. 139.

¹⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 193; Долгополк А.А. Продовольственное снабжение военнопленных в СССР // Проблемы военного плена. Ч. 2. С. 76.

¹⁸ РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 341. Л. 77.

¹⁹ Там же. Л. 54, 64, 65.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 54.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 57, 67.

²⁴ Там же. Л. 57.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 15.

²⁷ Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 49–50.

*В.С. Терехов
(Екатеринбург)*

ТЕХНОКРАТИЗМ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ УРАЛА 1930-х гг.

Развитие индустриальной системы Урала в 1930-е гг. приобрело характер формирования комплексных структур. Растущей промышленности региона необходимы были стратегическое прогнозирование, четкая методология соотношения ресурсных возможностей и планируемых потребностей, систематизированный и рациональный механизм размещения производственных мощностей и производительных сил. Данные проблемы не могли быть решены без участия ши-

рокого спектра технических специалистов, которым предстояло не только разработать научно-теоретические и прикладные программы индустриального развития региона, но и реализовать их. Разумеется, следует учитывать экстраординарность исторических условий, в которых осуществлялась научная и техническая экспертиза комплексных программ. В качестве стратегического направления власть предложила модель форсированной промышленной модернизации и наставляла на ее ускоренной реализации. Оправданность подобной модели и величина социальной цены ее осуществления является отдельной проблемой. В нашем случае требуется выявить масштаб и уровень технической рациональности модернизационного развития и позиционировать в этом процессе инженерно-техническую интеллигенцию как особую социально-профессиональную группу.

Активизировавшийся в XX в. процесс рационализации различных сфер жизни общества во многом проистекал из индустриальной системы, являясь ее имманентным свойством. К началу века во многих индустриально развитых странах процесс рационализации был институционализирован. В промышленности возникли разноразмерные системы управления, произошли нормирование и стандартизация технологических параметров производства, были дифференцированы различные виды технической деятельности. На основе этого возникает особый тип мировосприятия, оформившийся в групповое сознание технических специалистов, идентифицирующих себя с сердцевиной и мозгом индустриальной системы¹. Получает развитие технократизм как модель принятия рациональных решений, отличающихся высокой технической функциональностью².

С развитием технократизма возникает потребность в локализации и осмыслении социального носителя этого мировоззрения. По мнению американского теоретика постиндустриализма Д. Белла, принципы технократизма в полной мере применимы лишь к социальной структуре, включающей экономику, технологию и систему занятости³. В силу этого объективное восприятие технократического сознания может быть осуществлено через призму социального стратификации. Однако в этом случае возникает терминологическая неразбериха, связанная с трудностью разграничения двух видов технической интеллигенции: специалистов, отождествляемых с применением знаний, и специалистов, которые занимаются осуществлением власти. Бесплодные споры возникают в результате того, что по отношению к той и другой группе применяют наименование «технократия». Технические знания, ассоциированные с системой управления предметами и процессами, выступают важнейшим элементом механизма принятия решений, в том числе решений политических, и могут в силу этого использоваться в структуре власти, однако сами по себе властью не являются. Точно так же технократия (т.е. специалисты, продуцирующие технические знания) может быть привлечена к процессу выработки властных решений в качестве экспертов, но при этом сама она остается вне власти. Политическая власть выражается прежде всего через отношения между людьми по выявлению политических предпочтений, представляющих собой взаимосвязь ценностей и интересов, которые не всегда могут быть определены с помощью технической рациональности. Таким образом, осуществляющий власть технократ является прежде всего политическим деятелем и потому не имеет ничего общего с социальной группой технических специалистов.

Экстраполяция терминов «технократия» и «технократизм» на область политических отношений часто приводит к возникновению негативного отношения к технократии в целом и к технократическому сознанию. В частности, Ж. Мейно определял технократию как «грозную социальную силу, абсолютистскую и скрытную по своему характеру, которая угрожает поглотить государство. Организованный, основанный на планировании капитализм подталкивает ее в направлении замаскированных фашистских структур, которые объединяют систему трестов, картелей, банков, высшего административного персонала и профессиональных военных с находящимися в их распоряжении тоталитарным государством»⁴. В реальности технократические политики независимо от того, в какой степени они применяют технические знания, так и остаются политиками, а технократы представляют собой социальный слой технических специалистов (носителей технической рациональности), существующих вне политики, хотя и зависимых от власти и использующих этой властью в системе управления.

В западной социологии получило распространение восприятие технократизма как одномерного, технически детерминированного сознания: «в технократическом сознании различие между коммуникацией, касающейся политических структур и социальных норм, с одной сторо-

ны, и технического решения проблем — с другой, стирается за счет первых. Это сознание можно рассматривать как аспект одномерного мышления... Существующий социальный порядок поддерживается как данность, которую невозможно модифицировать иначе, как только путем применения социотехнических средств»⁵. Подобная трактовка часто становится основанием для отождествления технократизма с тоталитарной властью. При этом советская модель некоторыми исследователями напрямую определяется как технократическая⁶. Необходимо признать, что элементы технической рациональности в тоталитарных обществах присутствуют, однако не более чем в любом другом политически институционализированном обществе, а в идеологическом отношении тоталитаризму присуща даже особая иррациональность, выражающаяся в харизматичности вождей, политических мистификациях и массовых психозах.

Экономические отношения в большей степени основаны на рационализме, поэтому процессы создания в СССР командной экономики и приоритет индустриального развития в 30-е гг. предполагали во многом следование технократическим принципам. Использование технократии (технических специалистов) в этих процессах было для власти вынужденной необходимостью. Выработывая технические знания, специалисты становились единственными носителями технической рациональности, в определенной мере монополизируя за собой право технологического обустройства общества. Подобная зависимость от технократии вызывала у власти серьезное раздражение, побуждавшее власть дифференцированно подходить к техническим специалистам.

С рационалистической точки зрения власть должна была отдавать предпочтение наиболее компетентной части технократии, так как в этом случае издержки конструирования индустриальной системы сводятся к минимуму. Однако квалифицированные специалисты, как правило, более независимы и самодостаточны, чем неквалифицированные, поэтому возможностей их абсолютного подчинения у власти меньше. Этим объясняется стремление власти выстроить механизм подчинения, в рамках которого инженерно-техническая интеллигенция ассоциировала бы свое благополучие непосредственно с властью. Данный механизм включал в себя системы страха, идеологической инфильтрации, распределения материальных ценностей. Иррационализм тоталитарной власти заключался в том, что в своем стремлении к тотальному подчинению она делала выбор в пользу не самой компетентной части технократии, но отличавшейся абсолютной преданностью.

Технократизм инженерно-технической интеллигенции заключался не только в умении продуцировать технические знания, но и в оформлении своей технической рациональности, в социальной самоидентификации, в выработке профессиональных этических принципов. Одно из наиболее важных мест в инженерно-этической проблематике принадлежит проблеме ответственности инженера перед обществом. Исследовательские усилия в данном случае направлены на «...уточнение базовых понятий или идей, принципов, проблем и типов аргументов, используемых в обсуждении моральных аспектов инженерии»⁷. Уточнение параметров технократизма включает в себя также анализ инженерной практики, истории профессии, эффективности профессиональных обществ в поощрении морального поведения, процедуры оценки риска, психологических аспектов инженерной деятельности.

Социальные аспекты технократизма могут быть проанализированы в рамках характеристики социально-профессиональной стратификации инженерно-технической интеллигенции. Интерес в данном случае представляют социальные проблемы формирования, существования и развития технократической социально-профессиональной группы, обладавшей самостоятельным сознанием, позволяющим локализовать ее в социальной структуре. Несмотря на значительные перемещения социальных страт, сам характер инженерного труда, основанный на расчетах, анализе, алгоритмизации, обуславливал формирование особого мировоззрения, способствовал самоидентификации технократии и ее социальному позиционированию. Наиболее существенными барьерами в оформлении технократического мировоззрения и самосознания являлись процессы социального нивелирования и социальной инфильтрации, в ходе которых различия между социальными группами искусственно размывались посредством микширования социальных ролей и функций и выстраивания дополнительных каналов вертикальной мобильности.

В 1930-е гг. уральская технократия оказалась на переломе своего формирования, что определялось и внешними факторами изменения социальной структуры общества, и внутренними факторами, отражавшими региональную специфику. Социально-стратификационные процессы,

протекавшие в тот период на общесоюзном и региональном уровнях, отличались чрезмерным радикализмом, односторонностью и остротой.

К концу 1920-х гг. представители технократической социально-профессиональной группы являлись носителями определенного типа производственной культуры, способствовали повышению производственной культуры в уральской промышленности, созданию на Урале научно-технических центров, которые занимались подготовкой инженерных кадров с учетом особенностей регионального производства и обобщением интеллектуальной деятельности инженеров с последующим внедрением ее результатов в конкретные технологические циклы. Социальные функции так называемых буржуазных специалистов определялись их универсальной профессиональной подготовкой, что привело к уникальной ситуации, когда «старые» инженеры оказались на переднем крае не только производственно-технических, но и социально-экономических процессов. Хорошее знание промышленных возможностей региона, его сырьевой базы, перспектив размещения производственных мощностей и рабочей силы позволяли старым специалистам ориентироваться в макроэкономических процессах формирования промышленного комплекса.

Начало 1930-х гг. привносит в процесс оформления уральской технократии новые признаки, характеризующиеся постепенным замещением «старых» инженеров представителями советской инженерной школы, что символизировало смену представлений о функциях инженера на производстве. Существенно возросла утилитаризация технократической функциональности. Вместе с тем невостребованным оказался творческий потенциал новых технократов.

Новый инженерно-технический корпус в начале своего формирования на Урале представлял собой слой специалистов, искусственно объединенных властью по внешним формальным признакам (социальное происхождение, политическая ориентация, принадлежность к советской технической школе) в единую группу, противопоставляемую «старым» инженерам. По мере роста уральского инженерного корпуса «советские» специалисты начинали играть все более заметную роль в формировании промышленного комплекса, оказываясь по большей части на ведущих командных постах. При этом вряд ли можно говорить о каких-то кардинальных изменениях в лучшую сторону в системе управления промышленностью. В отличие от «старых» инженеров, новые специалисты не были управленцами (менеджерами) в полном смысле слова. По своим функциональным параметрам, в большинстве своем, это были администраторы производства, реализующие решения управленческих центров различных уровней. Однако следует отметить, что формирование уральской технократии сопровождалось сложным процессом социальной самоидентификации технических специалистов. В ходе данного процесса представители технократического слоя постепенно осознавали свою роль в индустриальном развитии региона и страны, оформляли свое отношение к набору функций инженера на производстве.

В рамках формирования технократической социально-профессиональной группы (микро-социальный уровень) происходило два взаимосвязанных процесса: с одной стороны, «буржуазные» специалисты включались в состав «советской» технократии и становились носителями ее свойств (большая мобильность, практицизм, меньшая инициативность и т.д.), а, с другой стороны, передавали некоторые качества традиционной технической школы (фундаментальные теоретические знания, инженерный универсализм, высокий профессионализм и т.д.) представителям новой технократии. По мере роста уральского инженерного корпуса «советские» специалисты начинали играть все более заметную роль в формировании промышленного комплекса, оказываясь по большей части на ведущих командных постах. Ролевая активизация новой модели технократии создавала движущий импульс в сторону постепенного создания элементов элитарности. «Советские» специалисты 1930-х гг., конечно, не были еще технократической элитой в традиционном понимании, но на уровне обыденного общественного сознания отличительные социальные признаки инженерства, искусственно формируемые властью (более высокий уровень заработной платы, управленческие функции, «спецраспределители»), оформлялись в психологический образ «новой аристократии».

Таким образом, на протяжении 1930-х гг. в сознании уральской инженерно-технической интеллигенции происходило оформление мировоззренческих, нормативных и профессионально-этических принципов технократизма, что позволяет говорить о начавшемся процессе формирования технократии как особого социально-профессионального слоя.

Примечания

¹ См.: Veblen T. The Engineers and the Price System. N.Y., 1965. P.141.

¹ См.: Akin W. *Technocracy and American Dream*. Berkeley, 1977. P.87; Stabile D. *Prophets of order*. Boston, 1984. P.3, 106.

² См.: Bell D. *Coming of Post-industrial society. A Venture in Social Forecasting*. N.Y., 1973. P.12, 13.

³ Meynaud J. *Technocracy*. L., 1968. P.146.

⁴ Alvesson M. *Organization theory and technocratic consciousness*. N.Y., 1987. P.250.

⁵ См., напр.: Woodall J. *The Socialist Corporation and Technocratic Power*. Cambridge, 1982; Hoffman E., Laird R. *Technocratic Socialism*. Durham, 1985.

⁷ Алексеева И.Ю. Американская философия техники в конце XX века // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 1. С.147.

М.А. Федорова

(Екатеринбург)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «ТРАКТОР-МЕЖРАБПОМ НА УРАЛЕ» В 1923–1924 гг.

Возникновение АО связано в работой “Международного Комитета рабочей помощи голодающим в России”, созданного в 1921–1922 гг. и ставящего своей целью помимо прямой помощи предметами продовольствия, помощь в восстановлении разрушенного хозяйства нашей страны¹. В июле 1922 г. в совхозе Тойкино Сарапульского уезда Пермской губернии начал работать тракторный отряд, состоявший из американцев, созданный “Международным Комитетом рабочей помощи голодающим в России”, которым руководил агроном американец Гарольд Вэр². Но предоставленный участок их не удовлетворил, и, после обращения за содействием в Уралзосо 5 октября 1922 г., было решено создать АО «Помощи сельскому хозяйству и промышленности на Урале» (в 1924 г. оно сменило название на Уральское сельскохозяйственное Акционерное общество “Трактор-межрабпом на Урале”). Организация и дальнейшая деятельность АО и его хозяйств в 1923–1925 гг. происходили под контролем и руководством уполномоченного Уральского экономического совета (с 1924 г. — Уралоблисполкома) Н.А. Доброклонского, которым было создано управление, находящееся в г. Екатеринбурге. Акционерами-учредителями АО стали: Международный комитет рабочей помощи (далее — Межрабпом), Народный комиссариат земледелия в лице управления его уполномоченного по Уралу, Уральский областной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (далее — СРК и КД), Екатеринбургские губернский и окружной исполнительные комитеты СРК и КД, Уральский горнозаводской синдикат — “Уралмет”, Объединение государственных платиновых предприятий ВСНХ СССР на Урале — Уралплатина, Уральское управление золоторудной промышленностью и по добыче и обработке ценных и поделочных камней промышленного бюро президиума ВСНХ на Урале — Золоторуда, Уральский трест по добыче и переработке асбеста — Ураласбест, Камско-Уральский лесобумажный государственный трест — Камуралбумлес. Уставной капитал АО был запланирован в сумме 1 миллиона рублей, распределенных на 2000 акций стоимостью 500 рублей каждая. Фактически значительная часть капитала была внесена не деньгами, а товарами и другими ценностями³.

Первоначально предполагалось создание хозяйства чисто американского типа на 150 тыс. десятинах черноземной степной целины, с созданием целого сельскохозяйственного городка, соединенного подъездными путями с Сибирской железнодорожной магистралью. Но постепенно сокращаясь до пределов реальных возможностей, учредители АО, по указанию агронома американца Гарольда Вэра, остановились на участке площадью 15 тыс. десятин земли вблизи ст. Чумляк Омской ж.д. на землях Яланского кантона Башпреспублики. Недостаточно тщательное обследование участка привело к тому, что весной 1923 г., когда трактора, необходимое горючее и семенные материалы были переданы на станцию Чумляк, организация хозяйства на намеченных землях оказалась невыгодной и невозможной. За весеннюю посевную кампанию на землях Яланского кантона Башпреспублики были произведены работы по запашке и осеменению участков: школьного участка Щучанского волостного отдела народного образования, фондовых земель Щучанского волостного исполкома СРК и КД, участка земли, находящегося в пользовании трудовой артели рабочих и служащих госземельницы № 8. Необходимость использования машин и реального осуществления поставленных перед АО задач вынудили Уралсовет остановиться в июле 1923 г. на земельных угодьях Екатеринбургского губсельтреста (“Куяш”, “Пасечное”, “Урукуль”, “Метлино”) (около 2000 десятин пахоты) как наиболее подходящих для организации тракторных хозяйств при условии увеличения землепользования за счет смежных пустующих земель Аргаяшского кантона Башкирской республики. Данные земли обладали всеми необходимыми для тракторной обработки качествами⁴.